

М а р т и н С а б р о в

ВРЕМЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ В НЕМЕЦКИХ ДИКТАТУРАХ XX ВЕКА

(сравнительный анализ)¹

С демократической точки зрения, тоталитарные режимы не обладают нормативной легитимностью. Однако это еще не значит, что у них нет легитимности «фактической». С момента заметного спада второй волны теоретического изучения тоталитаризма после 1989—1990 годов новое значение приобрел вопрос о том, каким образом авторитарные и тоталитарные системы компенсируют отсутствие демократического мандата на распоряжение властью и как они обеспечивают согласие граждан на подчинение. Как объяснить тот факт, что отождествление коллективного «мы» с режимом Сталина никогда не было в Советском Союзе более всеохватным, чем в период массовых репрессий конца 1930-х и 1940-х годов? Почему безликая и малопривлекательная диктатура СЕПГ (Социалистической единой партии Германии) в Восточной Германии на протяжении десятилетий пользовалась отнюдь не малой поддержкой? Какие факторы объясняют сохранение высокого уровня общественного одобрения диктатуры Гитлера даже в апреле 1945 года, несмотря на бомбежки и распад страны? Несомненно, эта поддержка была более значительной в сравнении с массовой поддержкой кайзера осенью 1918 года или Веймарской республики зимой 1932 года.

Падение обоих тоталитарных режимов Германии XX века являет двойственный парадокс. В случае с режимом Гитлера можно говорить о сочетании внешнего разрушения и внутреннего единства, с ГДР, согласно мнению Сигрид Мешель, — о внешней стабильности и внутреннем коллапсе. Несмотря на неисполнение обещаний, нацистский режим не потерял поддержки, но, наоборот, укрепил общественное согласие и радикализовался, что привело к началу Холокоста. В действительности, он пользовался существенным общественным одобрением даже в момент полного осознания безнадежности положения непосредственно перед окончательным падением. С другой стороны, второй немецкой диктатуре удалось просуществовать на протяжении почти половины столетия, сохраняя практически до конца стабильность управления, но лишь для того, чтобы, к большому удивлению всего мира, пасть фактически без борьбы в момент наибольшего успеха на пути международной интеграции.

Подходы, использовавшиеся для понимания данного феномена, могут быть классифицированы по парадигмам и в определенной степени — по хронологии. На протяжении многих лет в попытках объяснения обеих немецких диктатур доминировал подход, акцентировавший в первую очередь влияние террора и пропаганды, персонализированной в лидерах Третьего рейха и ГДР. Лишь постепенно на смену этой модели пришла трактовка, подчеркивавшая (в особенности для Третьего рейха) взаимосвязанный

1 Перевод осуществлен по: *Sabrow Martin. Time and Legitimacy: Comparative Reflections on the Sense of Time in the Two German Dictatorships // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 6. № 3. 2005. P. 351—369.*

© 2005 Taylor & Francis

двойственный эффект насилия и привлекательности, контроля и «обаяния»². Сходным образом новые исследования по ГДР после 1989 года изначально сосредоточивались на проявлениях репрессий и контроля, дабы подчеркнуть тоталитарную природу режима. Впрочем, теперь начали изучать и роль «мягких стабилизаторов». В обоих случаях внимание концентрировалось на действиях правителей и тоталитарных манипуляциях; наиболее популярным сюжетом исследований являлась репрезентация власти: «зимняя помощь»³, апелляции к «народной солидарности», нацистский праздничный календарь, языковой контроль.

В недавних публикациях обе парадигмы были расширены за счет предположения, согласно которому ключевым компонентом диктаторского правления являются его частично плебисцитарный характер и убежденность режима в собственной общественной легитимности. Важный аспект, которому вплоть до настоящего времени не придавали должного значения, — это «темпоральные стили», господствовавшие на протяжении всего существования обоих несвободных обществ. Эти стили определяли не только сами стратегии убеждения, идеологические оправдания и формы политического контроля, но и то, принимало ли их население или отвергало. Разные концепции связывают данный сюжет с гражданской религией диктаторского правления, системой общепринятых ценностей и догм, создаваемых и использовавшихся режимом, в агитации и пропаганде которого конструировалась харизматическая аура лидеров и устанавливались центры власти. Теоретическая модель, разработанная, среди прочих, Эриком Фегелином и Раймоном Ароном, приобрела в данном контексте особое влияние. В ее рамках предпринимается попытка понять современные диктатуры в качестве политических или светских религий, для которых характерна риторика спасения, притязание на тотальность мировоззрения и смешанный религиозно-политический характер массовых движений⁴. Впрочем, данная концепция содержит фундаментальное противоречие, ибо предлагает понимание режимов, категорично враждебных в отношении религиозных принципов, в качестве квазирелигий. Еще хуже то, что она упрощает сложность множественных и разнообразных аспектов лояльности режиму в угоду одному фактору, приравнивая политическое одоб-

- 2 Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt: Deutschland 1933–1945*. Berlin, 1986; *Idem*. *Faszination und Manipulation: Die Nürnberger Reichsparteitage der NSDAP // Das Fest: Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von U. Schultz. München, 1988. S. 352–368.
- 3 Нацистская благотворительная программа для помощи неимущим в 1930-е годы, к работе которой активно привлекались не только низовые структуры СА и НСДАП, но и заметные фигуры из мира бизнеса, культуры и так далее. — *Примеч. ред.*
- 4 Voegelin E. *Die politischen Religionen*. München, 1993; Aron R. *Das Zeitalter der Tyrannen // Über Deutschland und den Nationalsozialismus: frühe politische Schriften 1930–1939* / Hrsg. von J. Stark. Opladen, 1993. S. 186–208. Дискуссии последнего времени см.: Heilserwartung und Terror: Politische Religionen des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von H. Lübke. Düsseldorf, 1995; Maier H. «Totalitarismus» und «Politische Religionen»: Konzepte des Diktaturvergleichs // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Bd. 43. 1995. S. 387–405; Totalitarismus und Politische Religionen: Konzepte des Diktaturvergleichs / Hrsg. von H. Maier // *Deutungsgeschichte und Theorie*. Vol. III. Paderborn, 2003.

рение к доктринальной вере. Один из способов преодолеть эти сложности был предложен Эмилио Джентиле, высказавшимся за отказ от жесткой интерпретационной рамки понятия «политическая религия» и его замену термином «denoting process» (процесс указывания), подчеркивающим роль религиозного аспекта политики в современную эпоху.

При таком подходе концепция политической религии становится частью культурной истории политики. Цель последней — определение корпуса базовых представлений о сообществах и идентичностях, принятых или декларировавшихся в качестве актуальных для конкурирующих общественных моделей XX века. Это отправная точка данной статьи. Меня интересуют не столько взгляды, формировавшие основания легитимации современных диктатур, сколько сфера мышления и опыта, на которой они базировались. Подобный подход основан на предположении, согласно которому именно горизонты реальности и «темпоральные стили», в значительной степени изолированные от рациональной оценки, позволили сформироваться мифу фюрера и культу партии. Благодаря им мелодраматический пафос Муссолини воспринимался не как гротескное представление, но в качестве особых жестов власти, потоки пустословия Гитлера и Геббельса — не как истерическое стаккато, но как вдохновляющие слова лидеров, и даже обращения Ульбрихта и Хонеккера к партийным съездам из монотонных колыбельных превращались в воодушевляющие призывы к действию.

Далее данный тезис будет рассмотрен на конкретном примере. Речь пойдет об особенностях, характеризовавших опыт «времени» (в первую очередь — восприятие прошлого, настоящего и будущего) в повседневной жизни при национал-социалистическом и коммунистическом режимах.

«ВРЕМЯ» КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ДИКТАТУРАХ XX ВЕКА

Октавио Пас однажды сказал, что общество можно понять, лишь узнав, как оно воспринимает время⁵. Хотя непосредственное восприятие истории и будущего в обеих немецких диктатурах всегда привлекало определенное внимание, вопрос о характере прошлого и будущего как измерений времени в Третьем рейхе и государстве СЕПГ вообще не исследован⁶. Понимание времени и эстетика времени, определявшие настоящее и повседневную жизнь в национал-социалистическом и «реально-социалистическом» обществах, также не изучены⁷.

5 *Paz O.* Im Lichte Indiens. Frankfurt am Main, 1993. S. 186ff.

6 Первые попытки описания для ГДР: *Kohr H.-U.* Zeit-, Lebens-, und Berufsorientierung // *Jugend '92: Lebenslagen, Orientierungen und Entwicklungsperspektiven in vereinten Deutschland* / Hrsg. von Jugendwerk der Deutschen Shell. Opladen, 1992; *Häder M.* und *Mohler P.Ph.* Zukunftsvorstellungen als Erklärungsvariable für die Krise in der DDR und die gegenwärtige Situation in Ostdeutschland // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Bd. 27. 1995. S. 19–27.

7 Исключение — это возглавляемый Райнером Грисом проект DFG (Deutsche Forschungsgemeinschaft) по изучению пропаганды в ГДР, на результаты которого я опираюсь во многих нижеследующих примерах.

Это удивительно, ибо очевидно, что время как референция играло более существенную роль в диктатурах XX века, чем в демократиях. Во всех диктатурах оно определяло радикальность перемен в качестве характерной черты режима и маркировало смену эпох, связанную со свержением предшествующего порядка. «Дайте мне четыре года», — торжественно заклинал Гитлер немецкий народ в 1933 году; «Задержать темпы — это значит отстать», — провозгласил Сталин в 1931 году на съезде работников промышленности, подчеркивая значимость времени для «второй революции» — индустриализации и коллективизации⁸. То, насколько социалистическая трансформация советской зоны оккупации (SBZ/ГДР) воспринималась в качестве радикального разрыва с прошлым, отхода от — пользуясь терминологией Маркса — «предысторического» периода классового общества и в духе наступления Новой эры, не требует специального пояснения. Многие интеллектуалы Восточной Германии свидетельствовали в воспоминаниях (как до, так и после 1990 года) об интенсивности их эмоциональной веры в фундаментальную инаковость, радикальную новизну социалистического эксперимента, основанного на содержащейся в антифашизме идее глобального изменения и существенно более важного, чем все идеологические заклинания партийных аппаратчиков⁹.

Легитимность времени в определенной степени заменила или даже скорее вытеснила демократическую легитимность, ибо она доказала (или, как минимум, репрезентировалась таким образом) свою привлекательность в рамках горизонта реальности тоталитарных обществ. В 1930-х годах Гитлер утверждал, что национал-социализм должен «выполнить историческую миссию» и немцам «судьбой предначертано творить историю в высшем смысле» и, тем самым, достигнуть всего, к чему история «стремилась на протяжении столетий»¹⁰. «Возрожденная из руин и обращенная к будущему», — гласил национальный гимн ГДР двадцать лет спустя. Его текст, написанный Йоханнесом Бехером, упоминает руины, оставленные апокалипсисом, к которому привела утопия крови и почвы. Партийная версия марксистского видения истории была направлена на демонстрацию «рабочему народу на западе и востоке нашей родины того, что законы исторического развития приведут к формированию социализма в Германии».

В культурном горизонте времени обоих режимов три пласта прошлого, настоящего и будущего показательным образом сходятся. В риторике Гитлера «провидение» и «история» являлись способами именовать Высший суд, призванный оценивать политические действия исходя из трансцендентного плана. И «четкое понимание возможного развития исторических событий» должно было доказать перед этим судом свою ценность. Надежда «проявить себя перед лицом немецкой истории» и триумф, связанный с возможностью «доложить» немецкой истории о возвращении Австрии в Рейх, с самого начала предопределяли мессианские чувства и риторическую драматичность самосознания лидеров национал-социализма. Сходным образом твердая ве-

8 Cp.: *Koenen G.* Utopie der Säuberung: Was war der Kommunismus? Frankfurt am Main, 2000. S. 152.

9 См., например: *Just G.* Deutch, Jahrgang 1921: Ein Lebensbericht. Potsdam, 2001. S. 63; *Klein F.* Drinnen und Draußen: Ein Historiker in der DDR: Erinnerungen. Frankfurt am Main, 2000. S. 8f.

10 *Kroll F.-L.* Utopie als Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich. Paderborn, 1999. S. 31.

ра в тезис Бебеля о том, что социализм на своем пути не будет остановлен «ни быком, ни ослом», все еще служила режиму СЕПГ последней гарантией безопасности перед лицом угрозы крушения осенью 1989 года.

Наконец, оба режима объединяет эсхатологическое самосознание. Ведь они оба функционировали в рамках представлений о том, что, согласно их доктринам спасения, неизменные законы истории приведут к избавлению. Оба легитимировали себя эсхатологически. В одном случае двигатель классовой борьбы обеспечивал движение от буржуазного правления через диктатуру пролетариата эпохи социализма к историческому пределу коммунизма. В другом — расовая борьба должна была привести к решающему противостоянию между арийцами и евреями, которое неизбежно должно было завершиться в пользу арийской расы¹¹. Оба режима были едины в абсолютной уверенности в отношении будущего, которая в марксистском мышлении представляла в виде веры в законы исторического движения от первобытного общества к коммунизму, а в национал-социализме в виде восприятия Третьего рейха как предназначения немецкой истории¹². В этом контексте легитимация социалистического государства в еще большей мере, чем нацистский режим, покоилась на «футуричности» и расценивала актуальный этап революционной диктатуры пролетариата лишь как переходную фазу на пути к будущему коммунистической свободы¹³.

Тезис о том, что время является ключевым политико-культурным фактором легитимации, может быть уточнен, если мы более внимательно посмотрим на индивидуальные измерения *Zeitkultur* (культурно мотивированного понимания времени) при обоих режимах. Время настоящего обладало большой пропагандистской ценностью. Только назначенный министр пропаганды Геббельс разработал программу «современного темпа радиовещания» в марте 1933 года¹⁴. Эстетико-политическая функция и могущественное воображаемое национал-социалистического проекта автострад многократно исследовались в недавней литературе. Проект и сопутствующую пропаганду не следует игнорировать из-за того, что идея дорог без перекрестков возникла еще в период Веймарской республики, или из-за того, что за фасадом народного автовладения стояла реальность сети военных коммуникаций. В отличие от, например, проекта АФУС в Берлине, завершеного в 1921 году, или от проекта «НаFraBa», целью которого было связать Гамбург и «ганзейские» города с Базелем через Франкфурт-на-Майне, национал-социалистические дороги в первую очередь служили не интересам социальной и экономической элиты, представители которой вкладывали деньги в обмен на экономию времени и компенсировали убытки из-за выплаченных пошлин за счет ускорения перевозок. Новые дороги были окружены аурой народного владения, они были эгалитаристскими и не облагались пошлинами, их строительство шло рука об руку с частичной отменой автомобильного налога и идеей КДФ-машины (*Kraft durch Freude*, «Сила через радость»). Таким образом, популяризировалась идея быстро-

11 *Hitler A.* Politisches Testament: Die Bormann Diktate vom Februar und April 1945. Hamburg, 1981. S. 66 (3 февраля 1945 года).

12 *Behrenbeck S.* Der Kult um die toten Helden: Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole. Vierow bei Greifswald, 1996. S. 197ff.

13 См. особенно «Государство и революция» Ленина.

14 «Berliner Börsen-Courier», 15 марта 1933 года.

Время и легитимность в немецких диктатурах...

го сообщения, нашедшая отражение и в попытках установить новые рекорды скорости гонщиками вроде Бернда Розмайера и Рудольфа Караччиоли.

Но и в реально существующем социализме эпохи ГДР темп и рациональное использование времени играли существенную роль. «Со скоростью ракеты к победе социализма» — активно использовавшийся лозунг в конце 1950-х годов, когда государство СЕПГ согревалось в лучах славы советского космического проекта. И десять лет спустя сохранение и обретение времени стало центральной темой пропаганды нового курса Хонеккера после 1971 года, когда пароварка, быстроедействующее моющее средство и электрический кухонный комбайн начали прославляться как свидетельства превосходства социализма: «То, на что прежде уходило полчаса, теперь делается за несколько минут»¹⁵.

«ВРЕМЯ» НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Гипотеза, согласно которой характер «времени» в обеих диктатурах играл центральную легитимирующую роль, безусловно, не слишком впечатляет сама по себе. Более интересен вопрос о том, существовала ли принципиальная разница, демонстрирующая расхождения в легитимации власти и, соответственно, общие различия в политической культуре Третьего рейха и государства СЕПГ.

В действительности, более внимательный анализ показывает, что культуры коммунистической и фашистской эпох серьезно различаются по параметру восприятия всех трех пластов времени. Анализ культурной кодификации настоящего показывает удивительный факт: социалистические режимы не использовали узнаваемую эстетику темпа. Концепция темпа была ограничена практической сферой труда. Она находила отражение в пропаганде быстроты производства в рамках стахановских кампаний и в стремлении к рационализации, как оно сформулировано, например, социалистическим исследовательским коллективом киностудии AGFA в Вольфене: «Высочайшее качество в кратчайшие сроки на пути к социализму». Гонки, подобные дуэли между «трабантами» с форсированными двигателями на автодроме Шляйц, оставались маргинальным феноменом, а снижение допустимой максимальной скорости на дорогах с 90 до 80 км/ч в конце 1970-х годов в качестве меры по сохранению энергии было принято населением ГДР без возражений.

Абсолютно иная картина характерна для атмосферы национал-социализма, эмоционально подпитывавшегося акселерацией и подчинением ритму. Ключевой элемент в политике эпохи Гитлера открывается в эстетике скорости, которая обрела политическое значение, не будучи явлением чисто политическим в узком смысле слова. Стиль кинохроники с ее быстро сменяющимися кадрами, процветавший в эпоху войны¹⁶, или лаконичный во-

15 Цит. по: *Gries R. Die runden «Geburtstage», künstlicher Pulsschlag der Republik: Zeitkultur und Zeitpropaganda in der DDR // Wiedergeburten: Zur Geschichte der runden Jahrestage der DDR / Hrsg. von M. Gibas, R. Gries, B. Jakoby und D. Müller. Leipzig, 1999. S. 285–304, здесь — S. 290.*

16 *Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda // Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur NS-Zeit / Hrsg. von K.-D. Bracher, M. Funke und H.-A. Jacobsen. Düsseldorf, 1992. S. 291–314, здесь — S. 307.*

енный характер повседневного общения служат здесь хорошими примерами. В ускорении и подчинении ритму скорости нацистский режим демонстрировал энергию и стремление к борьбе, акцентируя, тем самым, революционную молодость движения по контрасту с расслабленным отношением ко времени на протяжении четырнадцати лет Веймарского «междуправления».

Но даже здесь скорость была еще не всем. Напротив, национал-социалистическая культура времени не меньше внимания уделяла победе над непреодолимой преданностью скорости, нашедшей максимальное выражение в концепции «обтекаемости». Так, должно было быть преодолено противопоставление скорости покою, столь безоговорочное в Веймарской республике. Сформировалась специфическая «эстетика медлительности» (Эрхард Шютц), вследствие чего критерий максимально короткого пути из пункта А в пункт В был заменен принципом наиболее красивого маршрута, что иллюстрирует, например, решение построить мост Мангфаль и проложить дорогу через Иршенберг в предгорьях Альп в Баварии¹⁷.

Национал-социалистическая эстетика автомагистралей утвердила концепцию природного сообщения, противопоставленного торопливому, стремительному и беспокойному веку либерального капитализма, и способствовала изобретению «автомобильного туризма». Сочетание скорости и отдыха — концепция, которой одинаково соответствовали и попытка Бернда Розмайера побить рекорд скорости на автомагистрали близ Дармштадта, и бесчисленные жанровые зарисовки немецких художников, изображавших, например, ежика, наблюдающего за несущимся автомобилем, или идиллический пикник на обочине автобана. Энтузиазм по части полетов в эпоху национал-социализма был связан с тем же идеалом единения нации¹⁸. Он утверждался, например, в гимне пикирующему полету — одним из наиболее распространенных мотивов в последние дни Третьего рейха, отмеченные подавлением силами союзников немецкой военно-воздушной мощи¹⁹, или в пропагандистском фильме «*Quax der Bruchpilot*» (1941), отразившем «воображаемую интеграцию полетов в повседневную жизнь немцев»²⁰.

Эстетика времени в период национал-социализма не ограничивалась культом скорости. Скорее она всегда сочетала скорость с контролем и ограничением, внимание к рекордам с некоторой осторожностью. «Холодная как лед» и «быстрая как молния» — слоганы, которые «Кока-кола» использовала для рекламы своей продукции для немецкой аудитории в 1930-х годах²¹; однако максимальная скорость и хладнокровие являлись также элементами образа, который пропаганда в военных сводках конструировала для Гитлера-стратега. «Быстрый как молния, фюрер изменяет маршрут движения армий и подразделений, когда это необходимо, и объединяет их,

17 *Becker F.* Hitlers Autobahn: Universalisierung der Politik, Ästhetisierung des Alltags // *Politische Deutungskulturen* festschrift für Karl Rohe / Hrsg. von O.N. Haberl und T. Korenke. Baden-Baden, 2000. S. 185–198 (194ff).

18 *Schütz E.* Condor, Adler und Insekten: Flug-Faszination im “Dritten Reich” // *Berliner Wissenschaftliche Gesellschaft, Jahrbuch 1999* / Hrsg. von B. Sösemann. Berlin, 2000. S. 49–69 (67).

19 Например, у Эрнста Удета. Цит. по: *Ibid.* S. 52.

20 *Ibid.*

21 Нацистская реклама автомобилей также служит хорошим примером. См.: *Schäfer H.D.* Das gespaltene Bewußtsein: Über die Lebenswirklichkeit in Deutschland 1933–1945. München; Vienna, 1981. S. 120.

когда хочет нанести мощный удар»²², — писала «Deutsche Allgemeine Zeitung» в мае 1940 года в отчете о немецкой кампании во Франции.

Скрытое за идеологическими клише и целенаправленными акциями чувство времени в Третьем рейхе и в государстве СЕПГ способствовало идиосинкразии политической культуры диктаторского типа, отличавшей оба немецких тоталитарных режима²³. Осознание различного восприятия настоящего, противоречия между большим и меньшим акцентом на ритме времени в нацистском государстве и ГДР соответственно, помогает понять, почему отрывистая речь национал-социалистов без ущерба для легитимности была заменена в ГДР торжественным топосным пафосом бесконечного напластования сложных лексических конструкций. Люди жили не только в хронологически различных временах, но и в соответствии с разными темпами и ритмами времени. Политическая культура национал-социализма содержала временной код, который делал ритм и темпоральное напряжение моментом драмы. Наиболее ощутимо это у самого Гитлера. Гитлер часто начинал речи с драматической паузы, тянувшейся дольше стандартной продолжительности ожидания слушающих; и лишь затем его речь доходила до риторического крещендо. В совершенно ином темпоральном мире социалистического общества подобное поведение казалось бы нелепым. Здесь доминировал рациональный темпоральный код, покоящийся на убежденности в том, что время поставлено на службу обществу. Именно темпоральный горизонт концептуализировал время уже не как автономный, внешний фактор, но как полностью контролируемую внутреннюю силу. Трудовая деятельность традиционно понималась в категориях временных затрат в соответствии с таблицами нормативных затрат времени²⁴. Четырехчасовые речи на партийных съездах, произносившиеся без какой-либо ритмической структуры, считались вполне приемлемыми. В ГДР ведущие новостей могли в любой момент вставить отчет о партийном или правительственном заявлении с долгой кодой вроде «председатель государственного совета и глава Социалистической единой партии Эрих Хонеккер...», и при этом никто не видел ничего дурного в подобной «трате времени» (в нашем понимании) в праймтайм.

Анализ кодификации исторического времени, то есть ориентации в прошлом и настоящем, в обеих диктатурах позволяет сделать тот же вывод о весьма различающихся темпоральных культурах. В отличие от реального социализма ГДР наступление эпохи национал-социализма рассматривалось не как переход в новую эру, но как возвращение к старому порядку на пути обновления, то есть как воскрешение еще более раннего и более совершенного положения. Это создавало будущее, зависящее от верности прошлому²⁵.

22 Deutsche Allgemeine Zeitung. № 243. 21 мая 1940 г. Также ср.: Schäfer H.D. Das gespaltene Bewußtsein... S. 120.

23 Критику «узкой трактовки» тоталитарного правления как якобы базирующегося только на устремлениях и взглядах, разделяемых лишь его сторонниками, см.: Günther H. Held und Feind als Archetypen des totalitären Mythos // Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert: Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft / Hrsg. von M. Vetter. Opladen, 1996. S. 42–63 (42).

24 DDR Handbuch, 3. Ausg. Köln, 1985. S. 1534.

25 Речь Гитлера на Нюрнбергской гонке в 1936 году. Ср.: Gamm H.-J. Der braune Kult: Das Dritte Reich und seine Ersatzreligion: Ein Beitrag zur politischen Bildung. Hamburg, 1962. S. 195.

Гитлер любил изображать свой приход к власти в качестве реставрации [правильного] прошлого. Подобное восприятие нашло отражение в постоянно расширяющемся наборе новых формул: «восстановление», «возрождение», «пробуждение», «воскресение», «возведение», «реставрация» Германского рейха²⁶. Понимание будущего как возвращения и исправления прошлого использовало образы Веймарской республики и симптомы ее упадка. В стремлении к власти Гитлер постоянно подчеркивал, что Версальский договор должен быть отменен и что «восстановление германской свободы»²⁷, «возрождение германской воли к самосохранению» означают полное уничтожение «Компьена»²⁸. Историко-политический сценарий стал реальностью спустя чуть больше десяти лет, когда в июне 1940 года диктатор заставил разгромленного врага подписать капитуляцию Франции в Компьене — в том же самом железнодорожном вагоне, в котором Эрцбергер подписал такой же акт о капитуляции Германии 11 ноября 1918 года. Однако возрождение *imperii*, которое планировалось и о котором мечтали даже до 1933 года, означало большее — во всяком случае, в личном понимании истории Гитлером: оно заключалось в исправлении светской аберрации, буржуазной эры и отказе от тысячелетнего неправильного развития христианства. Идеальной эпохой для Гитлера была античность, и его обманчивая мечта, сформулированная в «Майн кампф» как превращение «Германии в госпожу мира»²⁹, основывалась на образе Римской империи.

Показательный пример подобной организации будущего в соответствии с условиями прошлого являет первое пропагандистское массовое мероприятие Третьего рейха, так называемый «День Потсдама». Его целью было исторически и политически локализовать новый режим, включив его в континуитет прусской концепции государства. В этом процессе было задействовано множество исторических аналогий. Поиск временной резиденции для рейхстага после пожара был противопоставлен переезду Конституционного собрания в Веймар в 1919 году и, таким образом, символизировал победу «потсдамской немецкой идентичности» над «веймарской». В то же время мнимый поджог Маринуса ван дер Люббе был увязан с ноябрьской революцией 1918—1919 годов и позволил гитлеровскому правительству утвердить национальную революцию в качестве противоположности «интернациональному хаосу, устроенному ноябрьскими преступниками». Другая отсылка связывала «День Потсдама» с воззванием кайзера в Версале и еще более усиливала аналогию между рождением Третьего рейха и созданием Второго рейха благодаря переносу созыва рейхстага, изначально запланированного на апрель, на 21 марта 1933 года. Именно в этот день в 1871 году начал заседать первый рейхстаг Германской империи. Третья аллюзия на континуитет была очевидна в торжественном «Воззвании к немецкому народу», при помощи которого недавно назначенный министр пропаганды Геббельс обозначил начало работы новоизбранного рейхстага в потсдамской гарнизонной церкви в качестве символа национального единения. Уже выбор лексики устанавливал связь с прокламациями прусских королей, провозглашенными в решающие мо-

26 *Kroll F.-L. Utopie als Ideologie...* S. 33.

27 *Hitler A. Mein Kampf: Zwei Bände in einem Band.* München, 1933. Bd. II. S. 144.

28 *Ibid.* Bd. I. S. 716.

29 *Ibid.* Bd. I. S. 438.

менты истории: с январским призывом 1813 года восстать против Наполеона и с апрельским воззванием 1848 года к умиротворению восставших жителей Берлина.

Восприятие прошлого в качестве мерила будущего — в полной противоположности с социалистической концепцией времени — заключало в себе статичные, а не динамичные черты. Завершение и законченность, а не изменчивость и открытость были тут характерными чертами. Елейный язык, использовавшийся для презентации «Дня Потсдама», показателен:

Во вторник 21 марта 1933 года Рейхстаг, избранный немецким народом, впервые собрался на священной земле Потсдама. Депутаты заседают в гарнизонной церкви для того, чтобы принести клятвы верности единству и свободе немецкого народа и Рейха в этом освященном историей месте упокоения наших великих прусских королей. Потсдам — это место, где вечное пруссачество заложило основы будущего могущества немецкой нации. Внутренние конфликты, от которых немецкий народ страдал с начала своей историей и на протяжении столетий, должны теперь завершиться³⁰.

Понимание подобной идеи будущего, сформированного и легитимированного прошлым, только в качестве эскапистского погружения в прошлое было бы не вполне верным. Ибо речь идет о существенно более сложном явлении: о модели смешения прошлого с будущим и балансе между природой и технологией. Нигде утопия «органической современности» (*modernity*) не была столь ощутимой, как в проекте *Reichsautobahn*³¹, который и объединял страну сетью светло-серых дорог, и подчеркивал региональное разнообразие архитектурных стилей и материалов в пунктах технической поддержки и конструкциях мостов. Речь шла о симбиозе технологии и природы, чистой рациональности и красоты, выраженной в «мягких» линиях новых дорог, извивавшихся подобно рекам, о беспрецедентном внимании к экологическим факторам и ландшафтному дизайну и о пропагандистском единении транспортной утопии и физического труда. Через этот театр воссоединения и создавалась органичная современность. Здесь смешивались прошлое и настоящее. Прогресс терял свою деструктивную угрозу, а традиция — свои архаичные ограничения³².

Таким образом, становится понятным, почему, за исключением архитектуры и городского планирования, будущее в нацистском государстве оставалось поразительно отдаленным и абстрактным фактором³³. «Мир голода, нищеты и упадка должен быть уничтожен, чтобы открыть путь к лучшему будущему». Эта цитата из подготовленного Институтом иссле-

30 Berliner Börsen-Courier. 19 марта 1933 г.

31 Schütz E. «...verankertfest im Kern des Bluts»: Die Reichsautobahn — mediale Visionen einer organischen Moderne im «Dritten Reich» // Faszination des Organischen — Konjunkturen der Moderne / Hrsg. von E. Schütz. München, 1995; *Idem*. Faszination der blaßgrauen Bänder: Zur «organischen» Technik der Reichsautobahn // Der Technikdiskurs in der Hitler-Stalin-Ära / Hrsg. von W. Emmerich und C. Wege. Stuttgart, 1995.

32 Несмотря на синхронную привязанность к будущему, сходная ориентация на эстетику прошлого была характерна и для фашистской Италии. См.: Graf J. Die notwendige Reise: Reisen und Reiseliteratur junger Autoren während des Nationalsozialismus. Stuttgart, 1994. S. 137.

33 Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda... S. 296.

дований экономических циклов (Немецким институтом экономических исследований) отчета о первом году правления Гитлера обозначает топосы, при помощи которых пропаганда описывала цели и характер «захвата власти» коричневыми³⁴. Тот факт, что «будущее» в национал-социалистической пропаганде оставалось весьма бледным и призрачным, отмечался критически настроенными членами нацистской партии вроде Отто Штрассера еще в 1927–1928 годах. Штрассер зашел достаточно далеко, начав политическую борьбу вокруг данного вопроса. Она завершилась лишь после того, как он покинул окружение Гитлера.

Сходная картина возникает, когда мы смотрим на далекие от цельности идеологические воззрения представителей национал-социалистической правящей элиты. Некоторые ведущие идеологи национал-социализма, вроде Альфреда Розенберга, имели свои, весьма концептуальные представления о будущем³⁵. Другие, например Вальтер Дарре и Генрих Гиммлер, могли представить «будущее» лишь в качестве консервативной утопии, возрождения сельского *Lebenswelt* («жизненного мира»), впрочем, распространившегося от Урала до Атлантики, в котором будущее и прошлое смешаны и постоянно циркулируют в ритме законов природы. Даже в мировоззрении Гитлера, которое в отличие от описанных выше взглядов все же содержит четкие отсылки к будущему, в любых размышлениях об организации власти в новом Рейхе выходит на поверхность «поразительная неопределенность» (Кролл). Подобный, «несомненно, вторичный интерес к вопросам, касающимся будущего Рейха», объясняется манией величия и деспотизмом Гитлера³⁶. С этим связана удивительная «несознательность», с которой верховный диктатор относился к «проблемам будущего, которые [он] не продумал до конца»³⁷. И действительно конкретные утверждения Гитлера о будущем Германии после «окончательной победы» ограничивались национал-социалистическим проектом «расово чистого» сообщества (*Volksgemeinschaft*) и окончательной заменой христианства национал-социалистическим мировоззрением. Эти заявления выливались в странные планы создания немецкой «кофейной колонии», запрета языковых диалектов, насильственного введения вегетарианской диеты. В программных речах Гитлера будущее фактически полностью растворялось в настоящем и сводилось к прошлому. Речь о будущей моторизации Германии, произнесенная 11 февраля 1933 года, хорошо иллюстрирует этот аспект:

Когда в первой половине предшествующего столетия железные дороги начали свой беспрецедентный путь к доминированию... произошла не только внешняя транспортная революция, но и внутренняя. Транспортные средства постепенно перестали быть утилитарными. Медленно они превратились в самодостаточную силу... С железной дорогой завершилась индивидуальная свобода транспорта... Прошли десятилетия прежде,

34 Parole: Motorisierung: Ein Jahre nationalsozialistischer Kraftverkehrsförderung / Hrsg. von Insitut für Konjunkturforschung im Auftrag des Reichsverkehrsministeriums. Berlin, 1934. S. 6.

35 Kroll F.-L. Derfaktor «Zukunft» in Hitlers Geschichtsbild // Neue Wege der Ideengeschichte: Festschrift für Karl Kluxen zum 85. Geburtstag / Hrsg. von Kroll F.-L. Paderborn, 1996. S. 391–409 (392).

36 Ibid. S. 401.

37 Lukacs J. Hitler: Geschichte und Geschichtsschreibung. München, 1997. S. 220.

Время и легитимность в немецких диктатурах...

чем была реализована правильная идея предоставить людям транспортную систему, которой они смогут сами распоряжаться. Вместе с двигателем внутреннего сгорания был найден идеальный источник энергии... То, что так и не удалось железным дорогам, а именно замена животной силы машинами, построенными людьми, теперь представляется практически достигнутым. Не расписание, а воля человека станет определять использование транспорта, который будет постоянно верен ему³⁸.

Тот факт, что Гитлер и нацистский режим фактически сразу после 1933 года в целом вели себя так, будто у них не было будущего, совпадает с наблюдением, согласно которому измерение будущего имело тенденцию сливаться с настоящим. Нетерпеливость диктатора была показательной чертой этого «неутомимого трудяги, от которого убегало время — поскольку буквально все, что он предлагал, оказывалось подвержено головокружительным воздействиям преследовавших его противоположных импульсов»³⁹. Сам Гитлер был ипохондриком и считал, что не проживет долго. То, что он сосредоточился на подготовке европейской войны самое позднее с 1936 года, частично являлось следствием его убежденности в том, что «у него нет возможности далее терять время»⁴⁰ и что он должен создать новый мировой порядок до своей смерти. «Четыре драгоценных года прошли», — писал Гитлер в меморандуме летом 1936 года, целью которого было подготовить Германию к войне за четыре года. К концу войны стало очевидным — во всяком случае, для членов его окружения — что в картине мира Гитлера буквально не существовало представляемого будущего за пределами его собственной жизни. «Именно полное отсутствие надличностного чувства ответственности и этоса служения отличало Гитлера от любого потенциального предшественника. С беспрецедентным эгоцентризмом он приравнивал жизнь страны к сроку своей жизни», — утверждал Альберт Шпеер в письме от 28 марта 1945 года⁴¹. Не сила врагов определяла чувства диктатора в бункере; он считал, что именно нехватка времени и привела к падению: «Пространство и время победили меня»⁴².

«ВРЕМЯ» КОММУНИЗМА

Устремления врага Гитлера — Сталина, согласно Герду Кенену, представляли собой «прямо противоположную картину». Говоря словами Владимира Сорокина, он «[действовал] в собственном, особом пространстве и соответствующем времени, не совпадающих с [хронотопом] обычных смертных»⁴³. Еще в январе 1918 года Ленин и Троцкий воспринимали время в качестве надежного союзника Советов, когда подписывали Брест-Литовский мирный договор. Сталин и военное командование рассчитывали на время по-

38 Цит. по: Ibid. S. 6f.

39 *Koenen G.* Utopie der Säuberung... S. 295f.

40 *Lukacs J.* Hitler... S. 67.

41 *Fest J.* Der Führerbunker // Deutsche Erinnerungsorte / Hrsg. von E. François und H. Schulze. München, 2001. Bd. I. S. 133.

42 См.: *Idem.* Der Untergang: Hitler und das Ende des Dritten Reiches: Eine historische Skizze. Berlin, 2002.

43 *Lukacs J.* Hitler... S. 299; *Koenen G.* Utopie der Säuberung... S. 299.

сле вторжения немецких войск в Советский Союз. Коммунисты в одиннадцати европейских странах, где антифашистские коалиции возглавили правительства «народных демократий», опирались на него в период между 1945 и 1949 годами. Так поступала и КПП в советской зоне оккупации, когда начиная с осени 1945 года планировала устранение СДПГ через ее поглощение. И, наконец, СЕПГ при Ульбрихте доверилась времени, когда в 1960-е годы переосмыслила переходный этап социализма как самоценную эпоху. Нетерпению, с которым советский диктатор призывал к труду ради будущего (например, в требовании 1931 года догнать Запад за десять лет), позднее подражали функционеры СЕПГ. Это является свидетельством не пессимистичного восприятия будущего, но скорее надличностной веры в долгосрочную перспективу, сочетающейся с осознанием краткости жизни индивида на фоне логики истории и окончательного спасения, даруемого коммунизмом. «На пути социалистического развития мы сможем преодолеть все существующие сложности», — заявлял Ульбрихт на Второй партийной конференции СЕПГ в июле 1952 года⁴⁴. За этими словами стоит обладавшая поразительным мобилизационным эффектом вера в неограниченность власти, заимствованная из советской риторики 1930-х годов. Заверение Ульбрихта о начале строительства социализма было встречено продолжительной овацией делегатов. Это побудило Ульбрихта сформулировать утверждение, несущее в себе ядро утопизма и чувства всемогущества в рамках сталинской веры в прогресс: «Мы должны вычеркнуть слово «невозможно» из немецкого языка!»⁴⁵ Однако подобная уверенность в прогрессе, которая кажется столь странной с нашей, современной точки зрения, поддерживалась еще одной чертой сталинистской концепции прогресса: непоколебимой верой в то, что будущее не может быть «разрушено» каким-либо откатом назад. В резолюции Второй партийной конференции от июля 1952 года сказано, что «в Германской Демократической Республике социализм будет построен по плану». Данная фраза демонстрирует первый пример слияния прогресса и плана. Такой установке было суждено оказывать существенное влияние на социальное развитие ГДР и представления тех, кто этот лозунг должен был реализовывать. Преданность прогрессу и мания планирования создали воображаемую реальность, которая не могла быть изменена ни постоянными попытками скорректировать планы, ни вопиющей разницей между планом и результатами. Когда пять лет спустя в качестве пояснения к вышеупомянутой резолюции пятый партийный съезд провозгласил «Битву 1000 дней», официальное коммюнике не признавало, что на самом деле вместо последовательного развития происходили перепады, связанные с жестокой сталинизацией, произошло народное восстание летом 1953 года и был принят новый курс.

Народная экономика Германской Демократической Республики должна развиваться на протяжении нескольких лет таким образом, чтобы неоспоримо доказать превосходство социалистического общества ГДР над правлением империалистических сил в Боннском государстве. Соответственно, потребление на душу населения всех значимых продуктов питания и

44 Протокол переговоров на Второй партийной конференции СЕПГ (9–12 июля 1952 года) в Werner Seelenbinder Coliseum в Восточном Берлине. S. 58.

45 *Wollweber E.* Aus Erinnerungen: Ein Porträt Walter Ulbrichts // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 32 (1990). S. 350–378 (357).

Время и легитимность в немецких диктатурах...

потребительских товаров нашим рабочим населением догонит, а затем и перегонит подушное потребление всего населения Западной Германии⁴⁶.

Четкая вера в спланированное будущее и прогресс особенно заметна в конкретизации времени. По установкам КПСС, меньше чем за 15 лет китайская промышленность должна догнать английскую; «Мы предлагаем рабочему классу и всему работающему населению ГДР решить главную экономическую задачу в ближайшие три года, к 1961 году», — заявил Ульбрихт на пятом партийном съезде, вызвав ликование собравшихся товарищей. То, что битва за решение главной экономической задачи спустя год казалась проигранной, не ослабило порыва и не поубавило энтузиазма по части прогнозов. Речь шла лишь об изменении расписания: теперь уже 1965 год был объявлен временем, когда будет достигнут жизненный уровень Западной Германии⁴⁷.

Соответственно, «время» в горизонте понимания реального социализма было радикально линейным. Оно не признавало повторений, ибо политические действия следовали законам прогрессивного исторического развития. В прямой противоположности циклическому мышлению о будущем, характерному для национал-социализма, линейное мышление социалистической легитимационной схемы зависело от необратимости *разрыва* с прошлым. «На востоке Германии варварство средневековых погромов было уничтожено раз и навсегда. В государстве Аденауэра, однако, вновь полыхает пламя горящих синагог», — писала «Neues Deutschland» в 1959 году. Непосредственно речь шла об осквернении недавно освященной синагоги в Кёльне, вызвавшем международное возмущение⁴⁸.

Кто-то может возразить, что режим СЕПГ уделял большее внимание истории, чем нацистское государство. Ведь если Институт Вальтера Франка по изучению истории новой Германии занимал в Третьем рейхе лишь периферийную позицию и, несмотря на централизацию нацистской системы управления, полифония интерпретаций истории сохранялась⁴⁹, в ГДР именно Центральный комитет и даже Политбюро во главе с Ульбрихтом, а позднее Хонеккером непосредственно заботились о социалистической интерпретации истории. И все же тезис о том, что в дискурсе власти СЕПГ прошлое не играло самодостаточной роли, может быть убедительно доказан. Прежде всего, вплоть до последнего десятилетия существования ГДР далеко не все в истории считалось релевантным. Даже после того, как изначальная гегемония *Misereitheorie*⁵⁰ завершилась в начале 1950-х годов, и вплоть до конца 1970-х годов доминировала так называемая теория двух линий в развитии немецкой истории, в германском прошлом одобрения заслуживала лишь традиция рабочего движения. Великие поместья, церкви и замки были заброшены или даже систематически уничтожались как бесполезные памят-

46 *Ulbricht W.* Über die Dialektik unseres sozialistischen Aufbaus. Berlin, 1959. S. 94.

47 *Staritz D.* Geschichte der DDR. Durchgesehene Ausg. Frankfurt am Main, 1996. S. 176.

48 «Neues Deutschland», 28 декабря 1959 года.

49 Подробное обсуждение см.: *Kroll F.-L.* Utopie als Ideologie...

50 Речь идет об идее изначальной бедственности, «неполноценности» всей предшествующей истории Германии, которая закономерно завершилась нацизмом (ее поддерживали в конце 1940-х годов и видные восточногерманские интеллектуалы, вроде Брехта). — *Примеч. ред.*

ники феодализма. Подрывы дворца Гогенцоллернов в Берлине и городского дворца в Потсдаме, университетской церкви в Лейпциге и гарнизонной церкви в Потсдаме привлекли внимание за пределами ГДР. Но даже эти историко-политические конфликты с прошлым были попытками не предать его забвению, но скорее адаптировать к настоящему. Та же самая социалистическая строительная политика, в рамках которой как символ прусского милитаризма была уничтожена гарнизонная церковь в Потсдаме, не видела противоречия в восстановлении сильно пострадавшей во время войны церкви Св. Николая в нескольких сотнях метров поблизости, хотя она также являлась символом подъема Пруссии. Был ли «феодалный памятник» уничтожен, как в случае с городским дворцом Потсдама, или же остался нетронутым, подобно дворцу Сан-Суси и Новому дворцу, построенным Фридрихом II, или дворцу Бабельсберг, в котором Бисмарк был провозглашен *Ministerpräsident*, зависело не столько от их значения в настоящем, сколько от их значения для настоящего. Проще говоря, останки прошлого обладали легитимным местом в социалистическом настоящем, только если они могли быть плавно интегрированы в реальность «нового мира». Ворота дворца Гогенцоллернов живо иллюстрируют этот аспект. С них 9 ноября 1918 года Либкнехт провозгласил социалистическую республику. Это и обеспечило их сохранение при разрушении остального здания. Ворота были расширены и включены во вновь возведенное здание Государственного совета. Реальная историчность государства СЕПГ в не меньшей степени символизируется небрежением, если не уничтожением мест памяти вроде монумента на горе Киффхаузер, лишь случайно избежавшего сноса.

За подобными спланированными решениями политиков стоял культурный горизонт времени, в котором прошлое в качестве измерения было лишено влияния. В социалистическом мире события прошлого наделялись значением, прямо противоположным тому, которым они обладали в нацистском государстве. Теперь они не существовали сами по себе, но постоянно были подчинены потребностям настоящего⁵¹. В качестве зеркального отражения друг друга относительная неуверенность в будущем в Третьем рейхе соответствовала «отлаженной» уверенности в будущем в социалистическом обществе после 1945 года, когда превосходство социализма в контексте предвидения будущего стало фундаментальным догматом в легитимации режима, а также ключевым элементом в соперничестве двух Германий. В противовес пропагандистскому негативному образу послевоенного западногерманского общества, где время якобы остановилось, — в Восточной Германии акцентировалось представление о собственном радикальном разрыве с прошлым. Государство СЕПГ демонстрировало свою власть над будущим при помощи хитроумной системы планирования, но делало это и в рамках агитации в повседневной жизни или в исторических воспоминаниях вроде «дня рождения республики» и городских юбилеев. По крайней мере, в 1950-е и 1960-е годы образы будущего настолько проникли в повседневную жизнь ГДР, что даже внедрение новой модели автомобиля превращалось в хвалебную песню миру будущего.

На наших дорогах, в наших городах и деревнях появился новый, блестящий и быстрый автомобиль: модель 311-0 из Айзенаха, которую кон-

51 Так же как и в сталинском Советском Союзе. См.: *Hedeler W. und Rosenblum N. 1940 — Stalins glückliches Jahr.* Berlin, 2001. S. 186.

Время и легитимность в немецких диктатурах...

структуры назвали «Вартбург». Недолго этот образчик современного производства находящейся в общественной собственности немецкой автомобилестроительной промышленности будет встречаться лишь на дорогах ГДР. Завтра «Вартбург» покажет свои многочисленные достоинства в Западной Германии, а затем завоеует все Европу и мир, соперничая с капиталистическим автомобилестроением.

Так начинался отчет «Neues Deutschland» об испытании новой машины 12 февраля 1956 года. Он заканчивался гимном будущему:

Путь социализма лежит через использование новейших технологий. Мы счастливо возвращаемся домой, подобно путешественникам, которые заглянули далеко в будущее с высокой вершины. Машины, турбины, ядерные реакторы определяют нашу будущую жизнь. Трудящийся народ Германской Демократической Республики узнает, как их создать⁵².

Так же как настоящее было смешано с прошлым в национал-социалистической культуре времени, в реальном социализме «настоящее» столь сильно перемешивалось с «будущим», что существовала опасность вообще это настоящее потерять. «Стоит лишь оглянуться вокруг, чтобы узнать, на что будет похоже завтра» — это не просто банальный лозунг 1950-х годов: речь идет о ключевой фразе в реальности ГДР⁵³. Изгнание настоящего являлось платой за гегемонию будущего в восточногерманском обществе, которое включило в свою программу создание нового человека и приняло количественную идеологию прогресса, заключенного в «плане». С начала 1950-х годов план на всех уровнях общества становится всемогущим. Прогресс в рамках этой системы означал триумф завтра над вчера. В этом контексте разрушение памятников от дворца Гогенцоллернов в Берлине до университетской церкви в Лейпциге и гарнизонной церкви в Потсдаме не создавало просто некую *tabula rasa*. Скорее оно символизировало победу нового над устаревшим. На месте, где некогда располагался алтарь гарнизонной церкви, была построена мозаичная стена. Ее символизм выражался в поразительной форме: надписи « $E = mc^2$ ».

Минимальное значение, придававшееся прошлому в восточногерманском горизонте времени, показательным образом прослеживается в его историографии. Так, исторический «презентизм» привел к изобретению замечательного термина «актуальная полновесность» («*aktuelle Vollständigkeit*») в издании речей Вильгельма Пика. Составитель публикации был подвергнут критике из-за ошибок в использовании источников — собственно, потому, что он некритично процитировал утверждения участников гамбургского восстания 1923 года, не учтя тот факт, что авторы были позднее исключены из коммунистической партии⁵⁴. Подобный исторический презентизм мутировал в исторический «футуризм», когда коллектив

52 «Neues Deutschland», 12 февраля 1956 года. Приложение.

53 Lange E. Die verbesserliche Welt: Möglichkeiten christlicher Rede erprobt an der Geschichte vom Propheten Jona. Stuttgart, 1962. S. 62.

54 Это же явление нашло отражение в создании социалистического мастер-нарратива в форме университетского учебника по немецкой истории. См.: Sabrow M. Planprojekt Meisterzählung: Die Entstehungsgeschichte des «Lehrbuchs der deutschen Geschichte» // Geschichte als Herrschaftsdiskurs: Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR / Hrsg. von M. Sabrow. Köln, 2000. S. 227–286.

авторов, ответственных за написание социалистического гранд-нарратива в форме авторитетного трехтомного университетского учебника, согласился на предложение Юргена Кучинского выстроить периодизацию немецкой истории, ориентирующуюся на «новое». Они спорили лишь о том, должно ли быть критерием региональное, национальное или интернациональное «новое». То, что можно назвать историческим футуризмом, прослеживается и в других примерах обращения с прошлым. Когда в сентябре 1948 года Антон Аккерман (Ойген Ханиш) был вынужден отречься от написанного им в феврале 1946 года эссе «Существует ли особый немецкий путь к социализму?» в рамках показательного спектакля самокритики, никакого значения не имело то, что свои изначальные взгляды он сформулировал по приказанию партии — то есть по требованию тех самых людей, которые теперь выступали в качестве его обвинителей.

ГОРИЗОНТЫ ВРЕМЕНИ И КОНЕЦ ДИКТАТУР

Различия в характере темпоральности двух немецких тоталитарных режимов могут, полагаю, помочь в объяснении существенных различий в воплощении и легитимации их власти. Они обеспечивают ключ к пониманию контрастов в репрезентации режимов, различия в их политических эстетиках, во внешних обликах партийных лидеров, в режиссуре партийных съездов и даже в композициях фильмов «Триумф воли» Лени Рифеншталь и «Зодчий социализма» Андре Торндайка.

Однако эффективность объяснительного потенциала сравнения восприятия времени в двух диктатурах может быть проверена лишь при более частных сопоставлениях. В качестве третьего аспекта моей аргументации я задам вопрос о том, могут ли описанные различия в культуре времени объяснить то, что в моменты падения обоих режимов легитимационная база нацистского правления оставалась фактически неослабленной вплоть до финальной стадии Второй мировой войны, в то время как государство СЕПГ во многом рухнуло именно из-за размывания социальной лояльности, а не из-за внешнего давления.

На протяжении Второй мировой войны политический горизонт будущего Третьего рейха драматично съеживался вплоть до того момента, пока от расколотого нацистского государства фактически ничего не осталось. В фундаментальном смысле это был режим без будущего. Однако его не потрясли внутренние протесты, он не испытал коллапса легитимности, на который рассчитывали союзники. Многие факторы сыграли здесь свою роль: безжалостность врагов, которые завоевывали страну с востока с ужасающей жестокостью, а с запада — превратили ее в руины в ходе беспощадной воздушной войны, угрожавшей полным разрушением (так называемой «гамбургизацией»); страх перед национал-социалистическим террором, который с приближением окончания войны все более направлялся вовнутрь; и, наконец, не в последнюю очередь, осознание людьми собственной вины, которая, согласно циничному расчету Геббельса, поддерживала готовность немцев сражаться, осознавая, что они уже «сожгли мосты».

Тем не менее продолжающееся функционирование общества без будущего остается феноменом, который не так просто объяснить. Аналогичное противоречие наблюдается и на уровне политических лидеров. Гитлер вполне осознавал неизбежность краха после поражения немецкой армии

Время и легитимность в немецких диктатурах...

под Москвой в декабре 1941 года. Однако геноцид продолжался даже еще более жестоко⁵⁵. Здесь, возможно, следует отметить, что национал-социалистическая *Zeitkultur* во время войны не изменилась. Радикальная темпорализация, отмеченная в социалистической утопии, противостоит радикальной детемпорализации в Третьем рейхе. Данная черта становилась все более и более заметной в период правления нацистского режима, однако она присутствовала изначально. Нацистские лидеры воображали установление квазивечного правления уже в момент *Machtergreifung* (захвата власти)⁵⁶. За идеей тысячелетнего рейха стояло примирение прошлого и настоящего посредством этернализации, укороения в вечности. Это заметно и в словах проигравшего диктатора в его политическом завещании. «Я сделал столько всего... что потомки не смогут объяснить за целую вечность», — сказал он, — и

...возможно, пройдет много веков, однако из руин наших городов и памятников искусства ненависть народа... поднимется вновь... В немецкой истории из жертвы наших солдат и моего соучастия с ними в смерти тем или иным способом обязательно прорастет зерно славного ренессанса национал-социалистического движения и, соответственно, создания истинного национального сообщества⁵⁷.

В сходном характерном тоне последний отчет Верховного командования вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht*) цепляется за оправдательное предвидение не трансцендентной, но земной вечности: «Храбро и преданно, каждый солдат может... исполнить свой долг в страшнейшие часы нашей истории ради вечной жизни нашего народа». То, насколько легко темпоральность и атемпоральность смешиваются друг с другом, вновь демонстрирует пример Гитлера. 18 апреля 1945 года он сказал генералу Карлу Гилперту, что «чем больше людей пострадает [сейчас], тем более величественным будет воскрешение вечной Германии»⁵⁸.

Было бы неверным интерпретировать это бегство в вечность лишь как ментальную реакцию на безнадежность военной ситуации. Его можно проследить существенно раньше, например, в нацистской архитектурной эстетике, в рамках которой даже руины были призваны свидетельствовать о значимости и вечности «Тысячелетнего рейха». В случае со столицей рейха Берлином задача заключалась в том, чтобы, говоря словами Гитлера, «построить тысячелетний город для тысячелетнего народа с тысячелетней историей и культурным прошлым, подходящим для бесконечного будущего, лежащего перед ним»⁵⁹. Скульптурная неподвижность также определила эстетику нацистских партийных съездов, которые в соответствии с решением Гитлера всегда проходили в одних и тех же неизменных декорациях:

55 См. запись в военном дневнике Хадлера от 18 ноября 1941 года, которая подтверждается Йодлем, писавшим в нюрнбергской тюрьме. С зимы 1941/42 года Гитлер знал, что «достиж победы уже не удастся». Цит. по: *Lukacs J. Hitler...* S. 128.

56 *Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden...* S. 199.

57 *Gamm H.-J. Der braune Kult...* S. 199ff.

58 *Ibid.* S. 202; *Lukacs J. Hitler...* S. 265.

59 Адольф Гитлер — в речи, произнесенной при закладывании фундамента здания факультета армейских технологий Технического университета в Берлине, 27 ноября 1937 года. Цит. по: *Weihsmann H. Bauen unterm Hakenkreuz: Architektur des Untergang.* Vienna, 1998. S. 295.

Мы встречаемся здесь в четвертый раз... Если наши старые враги и соперники атакуют нас вновь, грозные флаги взвоятся высоко, и они узнают, где мы!.. Мы не постарели в сражениях, мы молоды, как и всегда. Что принесли годы, наш идеализм вновь преодолел... Это то, чем мы являемся навсегда!.. И я могу вам сказать подобно пророку: этот рейх уже столько испытал в первые дни своей молодости; он продолжит расти на протяжении столетий, он будет становиться все более сильным и могущественным! Новые поколения нашего народа пронесут эти флаги через века... Так я приветствую вас, мои старые боевые товарищи, мои лидеры, мои знаменосцы, в качестве герольдов новой истории! Так я вас приветствую — в качестве надежды настоящего и гарантов нашего будущего⁶⁰.

Аналогичный культ вечности замечен в сакральных действиях на Королевской площади (*Königsplatz*) в Мюнхене, где открытие в 1935 году памятника погибшим воинам фашистского движения сопровождалось переключкой «неусыпной стражи». Подобный идеологический прием соответствовал модели нацистской культуры времени с ее сочетанием движения и паузы. Сходные черты нашли отражение в выступлении партийного рейхсказначея Шварца несколькими днями ранее на торжественной церемонии открытия новых партийных зданий на Королевской площади:

В соответствии с вечным законом движения и прогресса, вы сейчас видите перед собой возведенные новые партийные здания. Их магия — все-ильна... Это несравненные архитектурные памятники, которые будут на протяжении столетий свидетельствовать о воли к жизни немецкой нации, вновь пробужденной национал-социализмом... Именно дух национал-социализма привел движение к его нынешнему положению, и именно этот дух будет процветать в вечности⁶¹.

Культ вечности аналогичным образом выражен в стремлении нацистских лидеров искать укрытия в исторических или скорее аисторических аналогиях, задолго до «леонидовской» речи Геринга о возмездии 6-й армии под Сталинградом и хорошо известного сравнения с Семилетней войной Фридриха и чудесным спасением Пруссии благодаря смерти императрицы Елизаветы, которую Геббельс и Гитлер увязывали с ожидаемой смертью Рузвельта. Так называемый меморандум Хоссбаха показывает, что уже в 1937 году нацистские лидеры опирались в своих решениях на исторические аналогии (в данном случае речь шла о войнах Фридриха Великого и Бисмарка) — или хотя бы «наряжали» их в одежды исторических аналогий⁶².

В этом я вижу важную причину поразительного стремления общества и политической элиты при национал-социализме освободиться от какой-либо ориентации на будущее. Для обеих указанных групп верно то, что Сабина Беренбек описала в продуктивном исследовании «культы павших

60 Из речи Гитлера на партийном съезде 11 сентября 1936 г. См.: *Gamm H.-J. Der braune Kult...* S. 195ff.

61 «*Völkischer Beobachter*», 4 ноября 1935 г., мюнхенское издание.

62 Расшифровка обсуждения на встрече Гитлера с руководителями вермахта и Константином фон Нейратом, 5 ноября 1937 года в: *Quellen zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Teilband 1: 1933–1939 / Hrsg. von W. Steitz. Darmstadt, 2000. S. 125–134, здесь — S. 129 и далее.*

героев» об осознании ситуации во второй половине войны: люди детально не представляли будущее, которое помогали создавать. *Zeitkultur*, характеризующаяся повышенной референтностью к прошлому и столь же показательным сужением горизонта будущего, определяла столь специфическое восприятие легитимности и утраты будущего большинством населения, которое едва ли представимо для потомков. Анализ Берндом Штофером общественного консенсуса в Германии между 1933 и 1945 годами показал, в какой степени там «доминировало ощущение... что после поражения не будет ни личного, ни какого-либо государственного будущего»⁶³. Возможность компенсировать подобное восприятие (которое теоретически должно быть фатальным для любой системы) посредством устранения будущего демонстрирует значимость национал-социалистической *Zeitkultur*, которая продолжала оказывать влияние вплоть до окончательного военного поражения. Самоубийства начали происходить только с исчезновением государства и распадом всего общества. Однако затем это явление приняло столь угрожающий масштаб, что количество покончивших с собой в итоге существенно превысило число жертв политических чисток и судебных приговоров во всех четырех зонах союзной оккупации.

Сложно представить более яркий контраст, чем падение власти СЕПГ в 1989 году. Хотя «объективная» потеря будущего в нацистском государстве в последние годы войны была существенно более драматичной, именно в ГДР, вроде бы шедшей к успешной мировой интеграции, парализующее чувство отсутствия будущего распространилось столь драматично и сыграло весьма важную роль в итоговом кризисе.

В отличие от Третьего рейха, где базовые темпоральные ориентиры оставались до самого конца неизменными, в культуре времени ГДР начиная с 1970-х годов стал ощущаться медленный сдвиг, который затронул все три измерения прошлого, настоящего и будущего. Сигрид Мешель права, определяя «реально существующий социализм» в Восточной Германии в качестве фазы правления СЕПГ, когда сама утопия была отнесена в далекое будущее, а ее предварительные условия — равенство, единообразие, уверенность в перспективах, наоборот, были перенесены в настоящее. «Легитимность ГДР более не оценивалась относительно ее потенциального будущего, но должна была поддерживать себя сама в противопоставлении с худшим прошлым и с современным западным социальным порядком»⁶⁴. Вместе с парадигмой «наследия-традиции» и «прусским ренессансом» прошлое вернулось и в ГДР, и одновременно будущее потеряло свою мобилизационную силу. В 1970-х годах «прогресс» также потерял свой утопический потенциал. Он покинул ГДР и приобрел новую идентичность — глобального фактора. Вероятно, его еще можно было использовать, ведь «применять прогресс» стало теперь лозунгом. Однако само это понятие одновременно превратилось в опасного противника, разоблачающего отсталость государства (в чем ГДР убедилась на примере судьбы собственного проекта по развитию микроэлектроники).

63 *Behrenbeck S.* Der Kult um die toten Helden... S. 575 (со ссылкой на Троммлера). S. 219; *Stöver B.* Volksgemeinschaft im Dritten Reich: Konsensbereitschaft der Deutschen aus der Sicht sozialistischer Exilberichte. Düsseldorf, 1993. S. 423.

64 *Meuschel S.* Legitimation und Parteiherrschaft: Zum Paradox von Legitimation und Parteienherrschaft in der DDR 1945–1989. Frankfurt am Main, 1992. S. 26.

Превращение прогресса в независимый и неподконтрольный фактор нашло отражение в представлениях населения, группирующегося вокруг более конкретного будущего. В написанном в 1989 году рассказе «Аккомпаниатор» («*Der Tangospieler*») Кристоф Хайн вербализовал подобное восприятие: «Возможно, будущее — это лишь расширение того, что уже случилось или происходит сейчас. Ресслер просто нуждался в том, чтобы делать то, что он делал каждый день... продолжать сидеть на своем стуле, и тогда его будущее будет безопасным, четким и ясным»⁶⁵. Наверное, нет более выразительного показателя исчезновения будущего из социалистического общественного эксперимента, чем тот парадоксальный факт, что в публицистике ГДР 2000 год получал все меньше и меньше внимания, чем ближе он становился. Если перспектива 2000 года при Ульбрихте была постоянно актуальной, то из риторики лидеров СЕПГ в 1980-е годы она фактически исчезла.

В последние годы ГДР растущее ощущение, что будущего нет, сочеталось с чувством того, что настоящее неизменно. Бесчисленные примеры индифферентности к настоящему в повседневной жизни 1970-х и 1980-х годов вполне осязаемы. Жернова цензуры, например, работали медленно, истощая терпение авторов и рецензентов требованиями переделки уже написанного и затем задержками публикаций, которые длились годами. Двадцать лет назад Ганс Магнус Энценбергер провозгласил «дáровость, дешевизну времени» в качестве характерной черты социалистических обществ как таковых⁶⁶. Современники восприняли падение Берлинской стены осенью 1989 года буквально в качестве восстановления утерянной синхронности. «Подобно физической силе, давление, стремящееся уравнять две абсолютно разные временные зоны, опиралось на социальный процесс освобождения. Стена не только изолировала население от внешнего мира. Она также защищала зону более слабого, но избыточного времени»⁶⁷.

Таким образом, многое может быть сказано в пользу тезиса о том, что две различные культуры времени обеих немецких диктатур сыграли свою роль как факторы их падения. Следовательно, «время» было значимым не только в обретении легитимности, но и при потере ее тоталитарными режимами XX века. Эта роль была столь значительной, что историческим девизом революционной трансформации 1989 года может считаться ремарка тогдашнего советского партийного лидера: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь!»

Пер. с англ. Ильи Афанасьева

65 *Hein Ch.* *Der Tangospieler*: Erzählung. Berlin, 1989. S. 37f.

66 *Enzensberger H.M.* Das höchste Stadium der Unterentwicklung: Eine Hypothese über den Real Existierenden Sozialismus // *Transatlantik*. 1982. № 7.

67 *Baier L.* *Volk ohne Zeit*: Essay über das eilige Vaterland. Berlin, 1990. S. 103.